

17. Ponge M. Pertinence linguistique de la ponctuation en traduction (français-espagnol) / M. Ponge // Presses Universitaires de France | «La linguistique». – 2011. – № 2, Vol. 47. – P. 121–136 [En ligne]. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2011-2-page-121.htm>, свободный. – Яз. франц.

References

1. Bunin I. A. Stikhotvoreniya. Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1956. Available at: <https://m.rupoem.ru/poets/bunin/i-umerla-i>.
2. Valgina N. S. Aktual'nye problemy sovremennoj russoj punktuacii. M. : Vysshaya shkola, 2004. 259 p.
3. Vella T. M. Perevodcheskie konstanty interpretativnoj teorii perevoda // Izvestiya VGPU: Gumanitarnye nauki, 2013, № 2 (261), pp. 204–206.
4. Kol'cova L. M. Punktuaciya poehticheskogo teksta v nominativno-pragmaticheskom i kommunikativnom aspekte. Cuadernos de Rusística Española, 2010. N° 6. pp.149-156.
5. Nevzglyadova E. V. Znaki prepinariya v stikhotvornoj rechi // Zvezda, 2016, № 10.
6. Pribytkova I.V. Problema poehticheskogo perevoda // Molodoj uchyonyj. Filologiya, lingvistika, 2020, № 2 (292), pp. 363–368.
7. Reformatskij A. A. Vvedenie v yazykoznanie. M.: Prosveshchenie, 1967. 318 p.
8. Russkie poety XVIII–XIX vv. Antologiya / sost. V. I. Korovina i V. A. Sajtanova. M.: Detskaya literatura, 1985. 735 p.
9. Safronova I. P. Esteticheskie funkcii punktuacii v poezii Mariny Cvetaevoj (na materiale ciklov «Stikhi k Bloku» i «Stikhi k Pushkinu»). Izhevsk, 2004. 23 p.
10. Sernova E. I. Avtorskaya punktuaciya s pozicij lingvistiki teksta // Francuzskij yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya : Materialy mezhdunarodnoj konferencii Pyatigorskogo lingvisticheskogo universiteta. Pyatigorsk : PSLU Publ., 2008, pp. 132–137.
11. Anthologie de la poésie russe. Edition de Katia Granoff. P.: Gallimard, 2007. 543 p.
12. Bled E., Bled O. Cours supérieure d'orthographe. Paris: Masson, 1954. 310 p.
13. Damourette J. Traité de ponctuation moderne. P.: PUFLI, 1930. 485 p.
14. Favriaud M. Les problèmes de ponctuation générale soulevés par la poésie contemporaine. Available at: <http://journals.openedition.org/pratiques/>.
15. Gaillard P. Les clés de l'orthographe // Théorie et pratique de l'orthographe grammaticale et de l'orthographe d'usage. Paris: Delagrave, 1956. 217 p.
16. Lorenceau A. La ponctuation chez les écrivains d'aujourd'hui. Available at: https://www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_1980_num_45_1_5269.
17. Ponge M. Pertinence linguistique de la ponctuation en traduction (français-espagnol). Available at: <https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2011-2-page-121.htm>.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-071-077

ОТРАЖЕНИЕ СТРАТЕГИЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ДНЕВНИКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО ЗА 1907–1908 ГОДЫ

Токарев Григорий Валериевич, доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 125, grig72@mail.ru

Статья посвящена изучению дневника Л.Н. Толстого в аспекте самоидентификации его личности. Рассмотрены дневниковые записи за 1907–1908 годы. Выявлено, что дневник не был формой исключительно автокоммуникации, поскольку пишущий понимал, что дневник будет иметь своего читателя. В дневнике большое внимание уделено таким аспектам, как самооценка, самоидентификация. Под самоидентификацией понимается процесс самоанализа, результатом которого является категоризация своей личности в известной человеку системе координат. Результаты самоидентификации могут быть вербализованы различными способами. Пропозиции, отражающие данные процессы, имеют форму Я есть X. Объективация идентификационных процессов реализуется разными коммуникативными стратегиями, под которыми понимается способ достижения целей общения. Коммуникативная стратегия определена на основе анализа коммуникативной цели высказывания, а также языковых средств её воплощения. Выявлены следующие коммуникативные стратегии и соответствующие им идентификационные пропозиции: постановка задач самосовершенствования – я несовершенный человек; возрастная идентификация – я старый, но счастливый

человек; самоуничижение – я ничтожный человек; отождествление себя с другими людьми – я такой же, как все; отношение к Богу – я часть Бога; отношение с членами семьи – я чужой в своей семье. Дневникам Толстого свойствен анализизм. Изучение коммуникативных стратегий в дневнике Л.Н. Толстого демонстрирует их взаимосвязь и детерминизм. Выделенные стратегии отражают стремление писателя к духовному самосовершенствованию и единению с Богом.

Ключевые слова: прагматика, самоидентификация, коммуникативная стратегия, автокоммуникация, дневник, Л.Н. Толстой

REFLECTION OF SELF-IDENTIFICATION STRATEGIES IN LEV TOLSTOY'S DIARY FOR 1907–1908

Tokarev Grigoriy V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 300026, Russia, Tula, 125 Lenin Avenue, grig72@mail.ru

The article is devoted to the study of Leo Tolstoy's diary of in the aspect of self-identification of his personality. The paper considers diary entries for 1907-1908. It is revealed that the diary was not a form of exclusively autocommunication, since the writer understood that the diary would have its own reader. The diary pays much attention to such aspects as self-esteem, self-identification. Self-identification refers to the process of self-analysis, the result of which is the categorization of one's personality in a coordinate system known to a person. The results of self-identification can be verbalized in various ways. Propositions that reflect these processes have the form I am X. Objectification of identification processes is implemented by different communication strategies, which are understood as a way to achieve the goals of communication. The communicative strategy is determined on the basis of the analysis of the communicative purpose of the utterance, as well as the linguistic means of its implementation. The paper identifies the following communicative strategies and their corresponding identification propositions: setting goals for self-improvement – I am an imperfect person; age identification – I am an old but happy person; self-deprecation – I am an insignificant person; identification with other people – I am the same as everyone else; attitude to God – I am part of God; relations with family members – I am a stranger in my family. Tolstoy's diaries are characterized by analyticism. The study of communicative strategies in the diary of Leo Tolstoy demonstrates their interrelation and determinism. The highlighted strategies reflect Tolstoy's desire for spiritual self-improvement and unity with God.

Keywords: pragmatics, self-identification, communicative strategy, autocommunication, diary, Leo Tolstoy

Переход лингвистики в антропоцентрическую парадигму способствовал динамичному развитию прагматики, в поле зрения которой попадают человек и его речь. В связи с этим актуальным является изучение различных аспектов дискурса, процессы обмена информацией. Ю.М. Лотман выделил две основные формы коммуникации: «Я-Я», «Я-Он» [12, с. 164]. Перед филологической наукой стоит задача изучения воплощения данных форм, когнитивных, коммуникативных и др. аспектов трансфера знаний. Дневник является одной из форм автокоммуникации. В русистике изучение дневника осуществляется в жанрологическом, хронологическом, лингвоперсоналогическом и др. аспектах [1, 5, 6, 7, 11]. Результатом исследований стало определение дифференциальных признаков данной формы речи, создание типологии дневников, комплексное изучение дневниковых записей отдельных личностей. В галерее известных дневников русской лингвокультуры, пожалуй, одно из первых мест занимает дневник Л.Н. Толстого. Записи были сделаны в течение шестидесяти трёх лет и заняли тринадцать томов полного собрания сочинений. Дневник Толстого как одно из самых крупных его произведений имеет междисциплинарную ценность. Для языкознания он представляет интерес в лексическом, грамматическом, когнитивном, психолингвистическом, стилистическом, прагматическом аспектах. Особенно ценно то, что дневник позволяет проследить эволюцию избранного предмета исследования. Настоящая статья продолжает изучение дневника Л.Н. Толстого в аспекте самоидентификации личности и рассматривает дневниковые записи Л.Н. Толстого, которые он сделал в возрасте 79–80 лет, за 1907–1908 год.

Т.П. Тарасенко, М.А. Величко отмечают: «Можно говорить о том, что личный дневник не просто способ самовыражения личности, но и средство для её развития» [1, с. 5]. Этот тезис подтверждает дневник Льва Николаевича. Как известно,

Л.Н. Толстой писал дневник всю свою жизнь. Основной посыл дневника на протяжении всей жизни писателя не менялся. Записи посвящены проблемам самоанализа и самосовершенствования. Однако степень интимности изложения от года к году меняется. Никому не известный девятнадцатилетний Толстой, безусловно, писал дневник исключительно для себя. После прихода литературной славы писатель мог предполагать, что его дневники будут опубликованы. На этом основании мы считаем, что тональность дневника меняется, переходя от монолога с самим собой до диалога с потенциальным читателем. Дневник Толстого не был формой исключительно автокоммуникации. В 80 лет он понимал, что записи будут иметь своего читателя. 22 июня 1908 года он написал: *Сейчас застал себя не на мысли, а на сознании о том, что дневник этот читают, и пища имею в виду читающих* [16, с. 135].

Уже в момент совершения записей Толстой был уверен, что их прочтут его близкие. Безусловно, это определяло форму и содержание записей. *Сейчас почувствовал связанность свою в писании этого дневника тем, что знаю, что его прочтут Саша и Чертков* [16, с. 56]. *Сейчас пишу это и спрашиваю себя: и это пишу я не для тех, кто будет читать этот дневник? Пожалуй, отчасти.* [16, с. 160].

В дневниках данного периода, как и предыдущих, большое внимание уделено таким аспектам, как самооценка, самоидентификация. Под самоидентификацией мы, вслед за М.А. Лаппо, понимаем процесс самоанализа, результатом которого является категоризация своей личности в известной человеку системе координат [9]. Т.П. Тарасенко, М.А. Величко отмечают: «Внутренний диалог обеспечивает целостное чувство Я, а одним из аспектов Я выступают представления личности о собственных атрибутах и собственной жизни во всем ее многообразии. ... Дневник – это полиинтенциональный автокоммуникативный речевой жанр, имеющий целью конструирование Я-образа и выполняющий функцию становления человеческой субъективности» [15, с. 5].

В дневнике этого периода Толстого беспокоят такие аспекты, как собственная оценка, оценка своего бытия через оценку поступков других людей, пути самосовершенствования, поиски ориентиров для оценки.

Толстой осуждает одобрение своей личности, идущее как от себя, так и от других людей. Положительная оценка своей личности беспокоит писателя. Выход из этого состояния он видит в поиске в себе того, что он осуждает в других, во внушении мысли, что его интеллектуальные и нравственные качества развиты ниже среднего. Он убеждает себя с благодарностью принимать низкую оценку других людей. В целом ориентироваться на оценку, исходящую не от людей, а от Бога, которого он понимает как универсальный нравственный закон. В возрасте восьмидесяти лет Толстой продолжает в императивной форме, употребляя инфинитивы в значении повелительного наклонения, диктовать себе правила поведения и уничивать себя. Результаты самоидентификации могут быть вербализованы различными способами. Пропозиции, отражающие данные процессы, имеют форму Я есть Х.

Объективация идентификационных процессов реализуется разными коммуникативными стратегиями, под которыми мы понимаем способ достижения целей общения. Коммуникативная стратегия определяется нами на основе анализа коммуникативной цели высказывания, а также языковых средств её воплощения.

Определим ведущие коммуникативные стратегии в процессе самоидентификации.

Первая стратегия – постановка задач самосовершенствования. На наш взгляд, ключевую запись этого периода: *Да, в 80 лет только начинаю не то, что учиться, а понимать, что надо учиться. Начинаю и учиться* (30 октября 1908) [16, с. 154] – мы трактовали бы так: и в 80 лет, несмотря на свой преклонный возраст, нужно продолжать совершенствоваться. Следующая дневниковая запись подтверждает наше предположение: с возрастом меняются цели духовной работы: *Да, работать надо над собой – теперь, в 80 лет, делать то самое, что я делал с особенной энергией, когда мне было 14, 16 лет: совершенствоваться; только с той разницей, что тогда идеалы совершенства были другие: и мускулы и вообще то, что нужно для успеха среди людей* [16, с. 160]. Данная стратегия выражает семантику созидания путём употребления глаголов *работать, учиться*. Бесспорно, что Толстой учился жить всю свою сознательную жизнь. Эта запись подтверждает твёрдость жизненной позиции писателя. Итак, данная стратегия объективирует следующую идентификационную пропозицию: Я несовершенный человек.

Вторая стратегия – возрастная идентификация. Толстой пишет о себе как престарелом человеке. Старость становится для него новым измерением жизни не в физической плоскости, а в духовной. Поэтому этот возрастной этап характеризуется мелиоративными эмоционально-оценочными прилагательными и существительными

радостный, блаженный, уверенность, удовлетворение, бесстрашие, спокойствие, любовность, жизнерадостность.

Вчера испытал, только что вставши, странное, радостное («радостное» мало), блаженное чувство спокойствия, уверенности – старости. ... Уверенности в том, что жизнь моя в духе, а не в теле; и потому свободы, удовлетворения... (9 апреля 1907) [16, с. 25].

Третий день испытываю какое-то новое, радостное чувство живого осознания своего духовного существа и вытекающее из него бесстрашие, спокойствие, любовность и жизнерадостность (11 апреля 1907) [16, с. 26].

Свободу от общественного мнения Толстой считает условием этого эмоционального состояния. *Сейчас в первый раз почувствовал полную свободу от мнения о себе людей. И какая радость, спокойствие и сила! (7 сентября 1907) [16, с. 65].* Толстой объясняет своё состояние счастья течением времени, своим старением. *Какое счастье жизнь! Иногда теперь, всё дальше и дальше подвигаясь в старости, я чувствую такое счастье, что больше его, кажется, не может быть. И пройдёт время, и я чувствую ещё больше, чем прежде счастье. (15 сентября 1907) [16, с. 68].* Лев Николаевич не испытывает чувства страха перед старостью. В его концепции времени исключено настоящее. Истинная жизнь – в настоящем, а следовательно, вне времени, вне рамок. *Говорят: есть три времени: прошедшее, настоящее, будущее. Какая грубая и вредная ошибка. Есть два вида времени: прошедшее и будущее; настоящее же вне времени. И жизнь истинная, свободная вне времени, т.е. в настоящем. Как это важно знать. Можно жить только настоящим, т.е. свободно. (13 июня 1908) [16, с. 134].* Таким образом, данная стратегия отражает идентификационную пропозицию: *Я старый, но счастливый человек. Я не думаю о прошлом и будущем. Для меня важно настоящее, для меня важно не физическое, а духовное состояние.*

Третью стратегию определим как самоуничижительную. Она осуществляется путём приписывания себе отрицательных свойств и признаков, описания неблагоприятных поступков и объективируется посредством перечисления лексики с отрицательным компонентом значения: *разврат, скупость, гадость, глупость* и др. Приведём ряд примеров. *...Невозможно спокойно жить с высоким о себе мнением... ...Нынче всё утро был занят этим уменьшением своего знаменателя. Живо вспомнил в себе всё то, что теперь осуждаю в сыновьях: игрецкую страсть, охоту, тщеславие, разврат, скупость. Главное, понять что ты – самый ниже среднего уровня по нравственности, слабости, по уму, в особенности по знаниям, ослабевающий в умственных способностях человек, и не забывай этого, и как легко будет жить. Дорожить оценкой Бога, а не людей. Признать справедливость низкой оценки людей. (14 января 1907 года) [16, с. 3].* *Сказать NN, чтобы не увлекался мною. Во мне и теперь и гадости, и глупости, и хитрости без конца. (7 сентября 1907) [16, с. 65].* *Начал с того, что увидел в себе всю свою мерзость, преобладание славы людской над настоящими требованиями жизни. ... Как ещё я далёк от чуть-чуть порядочного, как плох [16, с. 160].* И.М. Колышкина, А.В. Родионова справедливо характеризуют личность Л.Н. Толстого как фрустрирующую, то есть «...изображающую себя хуже, чем ... есть на самом деле, предающуюся негативным эмоциям, вступающую в диалог с тёмными сторонами своей психики» [8, с. 6]. Таким образом, данная стратегия отражает идентификационную пропозицию: «Я – ничтожный человек».

Четвёртая стратегия связана с отождествлением себя с другими людьми, предъявлением к себе тех же требований, что и к другим. *Суди о других, как о себе же. Ведь это – ты же. И потому будь в их дурных делах также снисходителен, как ты бывал и бываешь к себе. И также, как в своих грехах, надейся на их раскаяние и исправление [16, с. 14].* Формулировка нравственных императивов носит обобщённо-личный характер, то есть имеет форму суждений, которые в одинаковой форме относятся к себе, так и к другим. Запись от 15 ноября 1908 года отчасти объясняет эту стратегию желанием быть как все, стремлением к смирению, борьбе с гордыней, тщеславием. *Вчера до 12 ч. играл в карты. Совестно, гадко. Но подумал: люди скажут: «хорош учитель, играет в винт 3 часа сряду. И по-настоящему подумал: это-то и нужно. В этом-то настоящее, нужное для доброй жизни смирение. Человек должен держаться как человек. А человеку свойственно прежде всего смирение, желать быть униженным» (15 ноября 1908) [16, с. 157].* *Верный признак того, что вся моя деятельность пустая, то, что на меня не только нет гонений, но меня восхваляют. Хорошо для смирения (19 апреля 1908) [16, с. 116].* Толстой не хочет ничего скрывать в своей жизни. Он считает, что нужно говорить и о прегрешениях, которые могут остановить других людей. *Все пишут мою биографию – да и все биографии –*

о моём отношении к 7-й заповеди ничего не будет. Не будет вся ужасная грязь рукоблудия и хуже, с 13, 14 лет и до 15, 16 (не помню, когда начался разврат в распутных домах). И так до связи с крестьянкой Акс. – она жива. Потом женитьба, в которой опять, хотя и ни разу не изменил жене, похоть по отношению жены скверная, преступная. Этого ничего не будет и не бывает в биографиях. А это очень важно, и очень важно как наиболее сознаваемый мной, по крайней мере, порок, более других заставляющий опомниться (9 июля 1908) [16, с.173]. Приведённая запись отражает особую интенцию дневника, которая выражается в формировании общественного мнения о себе. Рассмотренная стратегия объективирует идентификационную пропозицию: Я как все.

Пятая стратегия самоидентификации выражается в осмыслении себя частью Бога. *Живёт во мне Бог, а я – Его орган. Бог живёт во всех, но не все знают это. Да, удивительно хорошо на душе.* (14 мая 1908) [16, с. 118]. *Да, я – Л.Н., я – писатель, я – нищий, я – царь, это – большое заблуждение. От него все страдания людей. Есть только один и бесчисленные проявления его, одно из которых – то, которое я сознаю собой. И благо нам, если мы не признаём Его проявления в себе за отдельное своё «я», а всегда чувствуем в себе то «Я» и живём Им. И мы испытываем самые разнообразные и неизбежные горести и страдания, если живём в заблуждении, что Я есть наше я* [16, с. 134].

Духовное единение, отождествление себя с другими людьми, с Богом приводит, по мнению Толстого, к бессмертию. *Чем утешиться в том, что только что начинаешь понимать, как надо жить, и начинаешь жить, – умираешь? А тем, что живёшь не ты, а всё человечество, всё духовное живёт Богом. Соединись с Ним – и не умрёшь.* (16 декабря 1907) [16, с. 88]. Идентификационная пропозиция, объективированная данной стратегией: Я часть Бога.

Дневникам Толстого свойствен аналитизм. Анализ коммуникативных стратегий демонстрирует их взаимосвязь и детерминизм. Все они отражают стремление Толстого к духовному самосовершенствованию и единению с Богом. Лев Николаевич определяет препятствие на пути к этому – его жизнь в комфорте, роскоши на фоне общей бедности. *Чувствую большую тяжесть от глупой благотворительности внешней в соединении с безумной роскошью жизни своей* (19 апреля 1908) [16, с. 116]. Противоречит убеждениям Толстого устремления к богатству, комфорт собственной жизни на фоне всеобщей бедности. Неприятие этого объективируется словами с отрицательными оценочными семами: *тяжело, жалко, гадко, тоскливо* и др. *Не могу преодолеть недовольства окружающим. Тоскливо, хочется плакать. Всё кажется тяжело. ... Мне жалко и гадко себя* (16 апреля 1907) [16, с. 26]. *Всё больше и больше почти физически страдаю от неравенства: богатства, излишеств нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни* (10 июня 1907) [16, с. 39]. В приведённых записях отражено противоречивое чувство Толстого: с одной стороны, он себя жалеет, с другой – унижает. Причиной этому является осмысление им своего бессилия в решении данной проблемы.

Ещё одним препятствием на пути воплощения своей концепции самосовершенствования Толстой называет семью. *Трудность главная – семья. Привычки можно преодолеть, но – семья* (22 ноября 1908) [16, с. 79]. Семья, по мнению Льва Николаевича, стремится к роскоши и комфорту.

С 1908 года Толстой начинает писать «Тайный дневник» для самого себя. Он отличается и по содержанию, и по эмотивно-оценочной тональности. Основная тема дневниковых записей – отношения в семье, с женой. В записях Лев Николаевич изливает своё депрессивное психологическое состояние, успокаивая себя мыслью, что страдания очищают душу: *Начинаю дневник для себя – тайный. Положение моё было мучительно, если бы не сознание того, что всё это на пользу душе, если только положить жизнь в душе* [16, с. 171]. Полагая, что этот дневник никем не будет прочтён, Толстой более откровенно выражает свои мысли. Записи характеризуются большей эмотивностью и экспрессивностью. Ключевыми словами в записях являются *тяжело, страдать, смерть. Мучительно тяжело на душе. Знаю, что это к добру душе, но тяжело. Когда спрошу себя: что же мне нужно: уйти от всех. Куда? К Богу, умереть. Преступно желаю смерти* [16, с. 171]. *Всё так же мучительно борюсь, но плохо борюсь. Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду – стыд и страдание* [16, с. 172]. Записи отражают разобщённость с женой, чувство неприязни к ней: *Всё очень тяжело несу, переносю несчастный характер Сони. Эгоизм, исключаящий всё, что не я, доходящий до козизма, тщеславие, самодовольство, всезнайство, осуждение всех* (14 июля 1908) [16, с. 173]. Жалко её.

Никто ей не говорит, и она думает, что она верш совершенства. (14 июля 1908) [16, с. 174]. *Думаю написать ей письмо. Недоброго чувства, слава Богу – нет. Одно всё мучительнее и мучительнее: неправда безумной роскоши среди недолжной нищеты, нужды, среди которых я живу. Всё делается и хуже, тяжелее и тяжелее. Не могу забыть, не видеть.* (9 июля 1908) [16, с. 173]. Эти записи эксплицируют ещё одну, деструктивную стратегию, идентифицирующую Толстого как чужого для своей семьи.

Итак, дневник – является формой самоидентификации личности. Для Л.Н. Толстого данный процесс актуален и в восьмидесятилетнем возрасте. Процесс самоидентификации воплощается путём осуществления коммуникативных стратегий, которые направлены на объективацию самоидентификационных пропозиций. Анализ дневниковых записей Л.Н. Толстого за 1907–1908 годы позволил выявить следующие коммуникативные стратегии и соответствующие им идентификационные пропозиции: постановка задач самосовершенствования – я несовершенный человек; возрастная идентификация – я старый, но счастливый человек; самоуничтожение – я ничтожный человек; отождествление себя с другими людьми – я такой же, как все; отношение к Богу – я часть Бога; отношения с членами семьи – я чужой в своей семье. Эксплицированные идентификационные пропозиции порождают аллюзии к библейскому тексту. Выделенные стратегии отражают стремление Толстого к духовному самосовершенствованию и единению с Богом. Общая тональность дневника характеризуется высокой степенью императивности и нормативности. Толстой расширяет коммуникативные задачи дневника, делая в нём записи с расчётом на третьих лиц. Дневник для самого себя отражает коммуникативное, тематическое, семантико-прагматическое раздвоение пишущего.

Список литературы

1. Арустамова А. А. Дневник К.В. Ивановой: автор и текст / А. А. Арустамова, К. В. Виноградова // Филологические заметки. – 2015. – Т. 1, № 13. – С. 257–253.
2. Архипова М. В. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника / М. В. Архипова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – Т. 13, вып. 3. – С. 197–207.
3. Волошина С. В. Коммуникативная стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе / С. В. Волошина // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 9 (92). – С. 261–265.
4. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе/ Л.Я. Гинзбург. – М. : Intrada, 1999. – 415 с.
5. Загидуллина И. И. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) / И.И. Загидуллина, М.Ю. Михеев // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3 (24). – С. 142–144.
6. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра / А. А. Зализняк // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 6 (106). – С. 162–171.
7. Криволапова Е. М. К вопросу о генезисе жанра дневника / Е. М. Криволапова // Учёные записки: электронный научный журнал КГУ. – 2012. – № 1. – С. 188–196.
8. Колышкина И. М. Изображение фрустрирующей языковой личности в контексте лингвистики нарратива (на примере дневниковых записей Л.Н. Толстого) / И. М. Колышкина, А. В. Родионова // Л.Н. Толстой и А.И. Солженицын: диалоги в прошедшем времени : материалы Всероссийской научной конференции. – Липецк : Изд-во ЛГПУ им. Семёнова-Тян-Шанского, 2018. – С. 258–263.
9. Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Лаппо. – Новосибирск, 2018. – 515 с.
10. Леонова Е. В. Когнитивный механизм интериоризации в дневниковом дискурсе / Е. В. Леонова // Известия Саратовского университета. Серия филология, журналистика. – 2014. – Т. 14, вып. 1. – С. 34–38.
11. Летагин Л. Н. Личный дневник: самосознание жанра / Л. Н. Летагин // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 56. – С. 56–67.
12. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство СПб., 2000. – 704 с.
13. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия XIX–XX) / М. Ю. Михеев. – М. : Водолей-PUBLISHERS, 2007. – 264 с.
14. Салманова И. Ф. Исповедально-диалогическая природа автобиографического дискурса Л.Н. Толстого / И. Ф. Салманова // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 1 (13). – С. 38–43.
15. Тарасенко Т. П. Автокоммуникация в личном и литературном дневнике как тип внутренней речи / Т. П. Тарасенко, М. А. Величко // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий. – Краснодар, 2016. – С. 65–97.

16. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : РГБ, 2006.

References

1. Arustamova A. A., Vinogradova K. V. Dnevnik K.V. Ivanovoj: avtor i tekst // Filologicheskie zametki, 2015, Vol. 1. № 13, pp. 257–253.
2. Arxipova M. V. Psixologicheskie svojstva i predstavleniya, svyazanny`e s praktikoj vedeniya lichnogo dnevnika // Vestnik Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii, 2012, Vol. 13, iss. 3, pp. 197–207.
3. Voloshina S. V. Kommunikativnaya strategiya samoprezentacii v avtobiograficheskom diskurse // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta, 2015, № 9 (92), pp. 261–265.
4. Ginzburg L. Ya. O psixologicheskoj proze. M. : Intrada, 1999. 415 p.
5. Zagidullina I. I., Mixeev M. Yu. Dnevnik kak e`go-tekst (Rossiya, XIX–XX) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2009. № 3 (24), pp. 142–144.
6. Zaliznyak A.A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010, № 6 (106), pp. 162–171.
7. Krivolapova E.M. K voprosu o genezise zhanra dnevnika // Uchyony`e zapiski: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal KGU, 2012, № 1, pp. 188–196.
8. Koly`shkina I. M., Rodionova A. V. Izobrazhenie frustriruyushhej yazy`kovoj lichnosti v kontekste lingvistiki narrativa (na primere dnevnikovyx zapisej L.N. Tolstogo) // L.N. Tolstoj i A.I. Solzhenicyn: dialogi v neproshedshej vremeni. Lipeck: LGPU im. Semyonova-Tyan-Shanskogo Publ., 2018, pp. 258–263.
9. Lappo M. A. Samoidentifikacionny`j diskurs russkoj e`litnoj yazy`kovoj lichnosti. Novosibirsk, 2018. 515 p.
10. Leonova E. V. Kognitivny`j mexanizm interiorizacii v dnevnikovom diskurse // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya fillologiya, zhurnalistika, 2014. Vol. 14, iss. 1, pp. 34–38.
11. Letyagin L. N. Lichny`j dnevnik: samosoznanie zhanra // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena, 2008, № 56, pp. 56–67.
12. Lotman Yu. M., Semiosfera. SPb. : Iskusstvo SPb, 2000. 704 p.
13. Mixeev M. Yu. Dnevnik kak e`go-tekst (Rossiya XIX–XX). M. : Vodolej-PUBLISHERS, 2007. 264 p.
14. Salmanova I. F. Ispovedal`no-dialogicheskaya priroda avtobiograficheskogo diskursa L.N. Tolstogo // Nauka. Iskusstvo. Kul`tura, 2017, № 1 (13), pp. 38–43.
15. Tarasenko T. P., Velichko M. A. Avtokommunikaciya v lichnom i literaturnom dnevnike kak tip vnutrennej rechi // Osobennosti issledovaniya i konstruirovaniya aktual`ny`x tipov diskursa i ix kategorij. Krasnodar, 2016, pp. 65–97.
16. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij : in 90 vol. M. : RGB, 2006.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-077-083

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО КОМПОНЕНТА В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ЖЕНСКУЮ АУДИТОРИЮ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ ПАРФЮМЕРИИ И КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ)

Френкель Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, frenkel-mif@rambler.ru

Дерябин Никита Юрьевич, студент, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, eliottelucas@mail.ru

Статья посвящена анализу средств вербализации гендерного компонента во французской Интернет-рекламе косметической продукции для женщин. Исследование проводится на лексико-семантическом уровне и ставит своей задачей выявление лингвистических средств манипуляции общественным сознанием, характерным для данного вида дискурса и специфики женского образа, формируемого и транслируемого рекламой.

Ключевые слова: интернет-реклама, гендер, гендерные исследования, косметические средства, женственность, образ, современная женщина, манипуляция, общественное сознание, лексико-семантические аспекты, семантика, существительное, прилагательное, глагол